

Роль боевых искусств в формировании имиджа Японии в России

А. Е. Куланов

Один русский каратист с поистине самурайской прямоотой сказал мне как-то: «За то, как мы пропагандируем в России боевые японские искусства, японцы должны навсегда забыть про “северные территории”». Безусловно, это высказывание – преувеличение на грани гротеска, но определенная доля истины в нем есть. В формировании позитивного образа этой страны в России роль боевых искусств заметна и уже привычна. Так кажется нам сегодня, но насколько это ощущение верно? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит ненадолго вернуться в прошлое наших стран и проследить, как влияла популярность боевых искусств – Будо и Будзюцу – на трансформацию общего образа Японии в России и влияла ли вообще. Попробуем разобраться также в том, какую роль в этой трансформации играла духовная составляющая Будо и, прежде всего, синто. Тем более что один из создателей положительного образа японских единоборств американский исследователь Бусидо Уильям Гриффис говорил: «Каждый, кто хочет понять Японию XX в., должен понять ее корни, уходящие в почву прошлого»¹. Думается, за сто лет, прошедшие со времен этого высказывания, его суть не изменилась.

Как известно, общее направление формирования имиджа Японии в России осуществлялось под воздействием как внешних, так и внутренних сил по двум основным сценариям: «живописная Япония» и «желтая опасность». Фундаментальное исследование на эту тему провел историк В. Э. Молодяков².

Образ «живописной Японии» был смоделирован несколько раньше, чем начал формироваться образ «желтой опасности», – в 60–70-х годах XIX в. Первой крупной операцией японского имиджмейкинга за пределами Японского архипелага можно считать Лондонскую художественную выставку 1862 г., после которой «живописная Япония» навсегда поселилась в умах и фантазиях лучших европейских писателей и художников того времени, таких, как, Оскар Уайльд, Клод Моне, Винсент Ван-Гог, а вслед за ними покорила и большинство столиц Старого Света.

В Россию калка с европейской «живописной Японии» поначалу была перенесена вполне успешно (К. Бальмонт, М. Добужинский, В. Брюсов, Н. Гумилев), но непосредственная близость к дальневосточному соседу и последо-

¹ Нитобэ И. Бусидо. Дух Японии. София, 1997, с.13.

² Молодяков В. Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М., 1996.

вавшая вскоре необходимость делить с ним «корейский огород» не позволила этой модели царствовать безраздельно.

Творческое изучение внешней политики мэйдзийской Японии очень быстро привело некоторых известных художественных аналитиков конца XIX – начала XX в., прежде всего В. Соловьева, В. Брюсова и А. Белого, к осознанию того, что существует не пропагандируемая, но оттого не менее реальная – милитаризирующаяся Япония. Это, в свою очередь, привело к рождению совсем другого имиджа Японии: для Запада – карикатурного и умозрительного, а для России, – хотя нередко тоже лубочного, но вполне осязаемого образа «желтой опасности»³.

Полностью этот образ набрал силу и зажил своей особой жизнью во время и после русско-японской войны 1904–1905 гг. Однако первые труды отечественных ученых, посвященные феномену боевого японского духа Бусидо, естественным образом ставшего тогда частью «желтой опасности», появились еще до русско-японской войны. Тогда этот образ начал формироваться одновременно с обретением Японией военной мощи и проявлением империалистических амбиций. Русские японоведы так же, как и их наиболее прогрессивные европейские коллеги, рассматривали, казалось бы, внезапно возникший имидж Японии как великого восточного агрессора, как воплощение идеи панмонголизма в тесной связи с традиционными японскими культами и духовными началами, прежде всего, с синто, дзэн-буддизмом и неоконфуцианством.

Особое внимание было привлечено к деятельности англоязычных так называемых «буферов-пропагандистов»⁴, разъяснявших суть происходящих в Японии перемен иностранцам. Нет ничего удивительного в том, что одним из первых таких имиджмейкеров Бусидо стал талантливый эссеист и почитатель японского духа Лафкадио Херн, навсегда оставшийся жить в Японии. Вместе со знаменитым пропагандистом японцем И. Нитобэ, с которым у них даже книги имели схожие названия (самое известное произведение Л. Херна – «Душа Японии», а культовый труд Нитобэ – «Бусидо. Дух Японии»), он рассказывал своим прежним соотечественникам о взглядах японцев на мир и разные проявления японского духа, непонятные для европейцев, на примере джиу-джицу. Практически одновременно с началом

³ В современной российской литературе причудливое хитросплетение «живописной Японии» с «желтой опасностью», помноженное на шпионские мифы про «штабс-капитана Рыбникова» тех лет и на современные книжки про ниндзя, слились в насыщенном тонкой пародией на «жапонизм» в романе Бориса Акунина «Алмазная колесница», где беллетристический образ автора не может скрыть японистическую сущность его alter ego – Г. Ш. Чхартишвили. Судя по популярности «Алмазной колесницы», становится понятно, насколько близки нам оба эти образа («живописной Японии» и «желтой опасности») сегодня.

⁴ Это емкое определение принадлежит известному голландскому японоведу К. Волферену, который таким образом обозначил специалистов-пиарщиков, как японского, так и неазиатского происхождения, усилиями которых в значительной степени формируется имидж Японии в мире, главным образом положительный.

японо-китайской войны, в 1894 г. Херн обнародовал свой «Взгляд на Восток со стороны», в котором рассказывал о японской борьбе дзю-дзюцу (джиу-джицу), называя ее, правда, «юютсу» (yoouyoutsu). «Борьба Японии с Китаем... была таким же “юютсу”, в увеличенном только масштабе. В свою дипломатию и политику, в свое войско и флот японцы с успехом перенесли все приемы юютсу... Они нашли и тщательно отметили все слабые места Китайской империи»⁵. Японцы, проведя ряд сильных ударов «по этому огромному рыхлому телу ..., одолели противника» Более того, сила художественного воздействия «спортивной темы» на романтического англо-грека оказалась столь велика, что он, предвидя и великое экономическое будущее Японии, сравнил путь к нему все с тем же образом: «Наверняка, промышленное джиу-джитсу выявит самые неожиданные результаты»⁶.

Почитатель Л.Херна и друг И. Нитобэ, уже упоминавшийся выше американец У. Гриффис написал предисловие к книге последнего «Бусидо», в которой прямо указывалось: «Всем, что представляла собой Япония, она обязана самураям». В этом предисловии Гриффис признавался, повторяя и углубляя мысль Херна: «Я осознал, что Бусидо с его тя-но ю (чайной церемонией. – А. К.) и дзю-дзюцу... сформировало все убеждения и обычаи городского и провинциального дворянства»⁷. Здесь речь идет о тех самых самураях.

Так впервые был сформирован действенный алгоритм: лучшими своими достижениями Япония обязана самураям, самурайскому духу – Бусидо. Важнейшей составляющей Бусидо являются Будо – боевые искусства и небоевые медитативные практики: тяноу, икэбана, игра го, искусство каллиграфии сёдо и т. д. Для лучшего понимания точности расчета и представления о целевой аудитории «Бусидо» стоит напомнить, что свое классическое произведение Нитобэ написал сначала на английском языке, и лишь затем книга была переведена на японский. Геополитическую направленность автора можно представить, зная, что он был проректором университета Такусёку в Токио, готовившего кадры для управления колонизируемыми территориями материковой Азии, и некоторое время жил в США.

Вдохновленный, возможно, все теми же Херном и Нитобэ, автор книги «Япония и японцы» Эрнст фон Гессе-Вартег, рассматривая особенности японского духа, тоже счел необходимым посвятить целую главу джиу-джицу, называя его «ключом к уразумению характера японского народа в его отношении к чужим странам»⁸. Он окончательно и точно определил важное и, безусловно, позитивное место боевых искусств – Будо и их духовной основы – Бусидо и в наборе представлений, составляющих образ Японии.

Однако даже такая мощная пиаровская подготовка мало бы чего стоила, если бы не сопровождалась практическими действиями. В 1899 г., когда

Япония настоятельно нуждалась, если не в оправдании своих действий в Китае, то хотя бы в создании более или менее позитивного имиджа, Лондон, как и 30 лет назад, во времена первых художественных выставок, послужил трамплином для очередной японской PR-кампании, на этот раз спортивной. В английскую столицу прибыли два первых сэнсэя. Братья Тани начали преподавать в Главной военно-гимнастической школе и в училище Королевского военно-морского флота дзю-дзюцу (джиу-джицу) и положили тем самым начало активной деятельности японских наставников в мире.

Информация об этом, как и книги «буферов», доходила и до России. В некоторой степени наши японоведы вместе с японскими и европейскими исследователями-пропагандистами одухотворили «желтую опасность» и, хотя поначалу они остались незамеченными, их идеи и созданные ими образы заработали несколько лет спустя. Так, ученые из Восточного института во Владивостоке – Л. Богословский, Е. Г. Спальвин, а несколько позже и Н. П. Мацокин⁹, – практически одновременно с выходом в свет «Бусидо» опубликовали целую серию статей о некоторых особенностях японского менталитета, рассматривая их в спектре «желтой опасности» и увязывая с морально-этическим кодексом самураев – Бусидо.

Исследования этих ученых в основе своей и сегодня чрезвычайно современны, так как затрагивают неподвластные действию времени глубинные основы морали, этики, религиозности в боевых искусствах. Так, например, Л. Богословский пояснял смысл знаменитого Бусидо, практически вторя И. Нитобэ: «Нравственные требования японского рыцарства, его идеалы и стремления, *сделавшиеся критерием всего хорошего* (курс. наш. – А. К.), обозначались словом “Бусидо”... Это слово заключает в себе французское “noblesse oblige”, русское “честь” и английское “gentlemen”». Далее Л. Богословский конкретно и четко приводит «три источника, три составные части» Бусидо: «В Японии имелись иные (по отношению к европейским. – А. К.) источники, творчески повлиявшие на создание духовного образа самурая. Прежде всего – буддизм. Спокойная вера в судьбу, стойкость к опасностям и бедствиям, ясное сознание неизбежности, стоическое спокойствие, которое помогало пренебрегать жизнью в известных случаях, – вот что взяло японское рыцарство из буддизма... Чего не доставало самураю из буддизма, то давал ему в избытке синтоизм. Лояльность, т. е. верность государю, благоговейное почитание предков, словом, то, чему сравнительно мало учат другие религии, самурай почерпнул из синтоизма, и эти черты смягчали надменность и высокомерие самурая... Поклонение японцев природе, по смыслу учения синтоизма, заставило любить страну до глубины души, между тем, как почитание предков, передаваясь из рода в род, сделало императора главой нации... Синтоизм, таким образом, выработал два главных

⁵ Цит. по: Лукашев М. Н. На заре российских систем рукопашного боя. М., 2003.

⁶ Там же.

⁷ Нитобэ И. Бусидо. Дух Японии. София, 1997, с. 12.

⁸ Цит по: Лукашев М.Н. На заре российских систем рукопашного боя.

⁹ Богословский Л., Харакири; Месть Кадзумы; К вопросу о характеристике японцев; Бусидо. История 47 верных вассалов. Владивосток, 1902, т. 3; Спальвин Е. Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа. Владивосток, 1909, т. 31.

начала, проходящих красной нитью в жизни японца, – патриотизм и верность государю...

Что касается чисто нравственного учения, то должно заметить, что и в этом отношении многое взято для Бусидо из учения Конфуция».

Однако тогда, в конце 1890-х – начале 1900-х годов, об этих событиях, об изысканиях российских и европейских ученых, о предвидениях поэтов и мыслителей мало кто знал, кроме специалистов, и во многом именно поэтому итоги и сам дух русско-японской войны оказались столь неожиданными для России, да и для всего мира. Лишь после первых тяжелых поражений на Дальнем Востоке русское общество обратилось к поиску внутреннего источника мужества японских солдат, а западные авторы, включая Джека Лондона и Артура Конан-Дойля¹⁰, хором принялись аллегорически сравнивать победу маленькой Японии над большой Россией с «неотразимой» техникой джиу-джицу, позволяющей слабому побеждать сильного, стараясь при этом не углубляться в причины срочного заключения мира между Россией и Японией.

Одновременно на страницах массовой печати всплыло загадочное слово «Бусидо», а из Германии и Франции хлынул к нам поток учителей и учебной литературы, в том числе переводов японских трудов по джиу-джицу и дзюдо (Х. Кацукума, Ю. Тани, К. Асикага, А. Сумитомо), наставляющих всякого желающего в «благородном искусстве джиу-джицу». Интересно отметить, что по причинам конъюнктурного и коммерческого характера подобная литература, за малым исключением, все меньше содержала сведений о морально-нравственных или философских основах Будо, но зато акцентировала внимание читателя на понятных всем бытовых нюансах, подчеркивающих эффективность японского подхода. Конечно, речь идет, прежде всего, о вежливости. Классический пример такого «учебного пособия» – книга Ашикага «Жиу-житсу» с культовой фразой «жиу-житсу – искусство благородное»¹¹. Это и подобные ему, весьма похожие друг на друга издания, произвели неизгладимое впечатление на российского читателя. Они переиздавались и, что немаловажно, переиздаются по сей день.

Не только «раскрутка» джиу-джицу в качестве непревзойденной боевой системы, но и усилия модераторов имиджа, в том числе И. Нитобэ, Л. Херна и автора книги «Путь чая» К. Окакура, подвигли первых русских энтузиастов «джиуджитсеров» к изучению Будо. Описанные А. Белым помешательство на Японии, мода на «жапонизм» способствовали и проникновению Будо в Россию. «На фотографиях и гравюрах тех лет запечатлены румяные, усатые здоровяки в батистовых халатиках, подвязанных пышным бантом, – первые

энтузиасты джиу-джитсу. Стараясь приспособить диковинные приемы к знакомой классической борьбе, они не слишком церемонились с ритуалом и, видимо, совершенно не беспокоились о своей душевной гармонии»¹², – так много лет спустя охарактеризовал ту эпоху японовед А. А. Долин.

В числе таких «усатых энтузиастов» был и штабс-капитан русской армии В. А. Спиридонов – будущий соавтор самбо и сотрудник НКВД. На протяжении многих лет он учился и преподавал джиу-джицу по книгам, подобным романтическому наставлению Кара Ашикага¹³. Пока нет доказательств, но есть интересные версии о том, что дзю-дзюцу и даже сумо занимались в Японии русские пленные, в том числе матросы Василий Бабушкин и Василий Мазенков¹⁴.

Судьба другого выдающегося соавтора самбо, япониста и разведчика, выпускника академии дзюдо (Кодокан) В. С. Ощепкова ярко характеризует следующий этап в развитии японских единоборств в Советском Союзе. Попавший в Японию в результате русско-японской войны, окончивший Академию дзюдо, 20 лет занимавшийся популяризацией этого боевого искусства, написавший ряд статей о происхождении различных японских систем рукопашного боя, Ощепков не мог, а возможно, и не собирался, в советских условиях поднимать тему внутренних источников Будо. К тому времени (к 30-м годам XX в.) в СССР произошла очередная метаморфоза, и «самурайский дух» снова, как и в начале века, стал неотъемлемой частью «гнилой самурайской морали японского милитаризма»¹⁵. В. С. Ощепков был репрессирован в конце 1937 г. по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии вместе с целым рядом отечественных японоведов, в том числе с упоминавшимся Н. П. Мацокиным, профессорами Д. М. Позднеевым, Н. А. Невским и др. 1937 год стал началом официального забвения японских Будо, продолжавшегося почти 30 лет. В публикации тех лет «Что такое дзю-до» (так писали это слово у нас до войны. – А. К.) указывалось предельно ясно: «Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции, Япония имеет систему физического воспитания, предназначенную исполнять классовые заказы японских милитаристов. Эта система носит название дзю-до»¹⁶. Круг замкнулся: новая политическая обстановка потребовала «принять на вооружение» имидж «желтой опасности», и стало окончательно ясно, что боевые искусства с гибкостью, достойной техники дзю-дзюцу, снова стали частью этого имиджа.

Период 1937–1962 гг. можно считать временем полного забвения Будо в СССР. Естественно, что в странах, бывших тайными и явными военными

¹² Долин А. А. Дальневосточные боевые искусства: миф и реальность. – Вопросы научного атеизма. М., 1989, вып. 38.

¹³ Куланов А. Е. Дело загадочного гренадера. – Додзё. 2005, №5.

¹⁴ Гузанов В. Г. Русский след в сумо. – Додзё, 2005, №5.

¹⁵ Лукашев М. Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской, М., 2003.

¹⁶ Цит. по: Лукашев М. Н., Сотворение самбо..., с.70.

¹⁰ Мастер борьбы «боритсу», сыщик Шерлок Холмс, должен был бы учиться у некоего Э. Бартона-Райта, легионера-путейца, проработавшего несколько лет в Японии и организовавшего школу «бартитсу», названную по имени «отца-основателя». Сам Бартон, судя по всему, не был сильным борцом, но в школе у него преподавали опытные японцы, в том числе один из упоминавшихся братьев Тани – Юкио.

¹¹ Проф. Ашикага Кара. Жиу-Житсу, М, 1909, с. 6.

противниками, не могла выжить склонность к изучению, а тем более, к восхищению, как это было всего несколько десятилетий назад, морально-этическими качествами боевого духа друг друга. Смоделированный на государственном уровне имидж соседа не мог быть подвергнут пересмотру снизу, и если какие-то позитивные изменения и вносились в образ врага, то привлекательнее этот образ не становился.

Советским спортсменам было предложено, ориентируясь на многонациональный характер самбо, воспитывать в себе идеалы преданности интернационализму и советскому патриотизму. Таким образом замещались конфуцианские доктрины в отношениях «учитель-ученик», синтоистские идеалы преданности верховной власти и любви к родине, а также буддистское отсутствие страха смерти и желание успешной реинкарнации (в советском варианте – в виде названия именами героев улиц и пароходов). Как не вспомнить тут того же И. Нитобэ, писавшего в «Бусидо»: «Принципы синтоизма охватывают две господствующие характеристики эмоциональной жизни нашего (японского. – А. К.) народа – Патриотизм и Преданность!»

Эта относительно успешная схема действовала довольно долго и в атавистическом виде действует и сейчас. Первый сбой в ее работе произошел, как и во многих других областях советской жизни, во времена хрущевской «оттепели».

В начале 60-х годов Советский Союз, осознанно позиционировавший себя на мировой арене как сверхдержава, не мог остаться вне участия на этой арене в соревнованиях общепризнанных спортивных течений – это противоречило бы имиджу «просвещенного советского абсолютизма», присущего всему правлению Н. С. Хрущева. Проведя несколько международных матчей по дзюдо, в которых боролись «спортивные внуки» Ощепкова и Спиридонова – самбисты, а затем приняв успешное участие в Токийской олимпиаде 1964 г., СССР с удовлетворением признал право на существование в стране дзюдо – самого официального и «оппортунистического» боевого японского искусства. Однако развитие дзюдо в нашей стране не было естественным и ожидаемым: основным его спортивным конкурентом оставалось самбо, окончательно выбившее из дзюдо ореол экзотической романтики и направлявшее его по исключительно спортивному пути. Более того, успех самбистов на дзюдоистском татами надолго предопределил их благосклонно-покровительственное отношение к дзюдо, подкреплявшееся идеологической базой превосходства социализма над капитализмом.

Крайне важно, что у нас в стране практически не было и «легионеров» – солдат, участвовавших в азиатских войнах 50–60-х годах, которые, как Чак Норрис в Америке или Йон Блуминг в Европе, принесли бы на родину каратэ, дзюдо, таэквондо или хапкидо. Экзотический духовный ореол, который неизменно сопровождал эти единоборства, был благосклонно принят жаждавшим перемен и зачастую ориенталистски настроенным западным обществом времен хиппи, битников и рок-н-ролла. «Король» последнего Элвис Пресли был ярым популяризатором каратэ.

В СССР, за «железным занавесом», люди могли видеть только те картинки, которые им показывали, зато уж если что-то показывали, то реакция зрителей часто была совершенно непредсказуемой. Так произошло с фильмом общепризнанного классика мирового кинематографа Куросава Акира «Гений дзюдо». Картина, снятая по мотивам романа сына одного из первых японских дзюдоистов, была очевидной пропагандой официального дзюдо, в которой авторитет его основателя Кано Дзигоро не подвергался сомнению, а морально-этические нормы, характерные для Кодокан дзюдо, объяснялись открыто, популярно и практически без обращения к вождельным, но труднопонимаемым на Западе традиционным ценностям. Противовесом «хорошим» дзюдоистам в фильме выступали «плохие» каратисты и бойцы клановых школ дзю-дзюцу. Но именно они и стали кумирами советской молодежи на долгие времена.

Феномен этот довольно прост, если внимательно отнестись к его разбору. С дзюдо мы оказались уже знакомы, и его олимпийский, т. е. глобалистский в спортивном понимании этого слова, характер был понятен, предсказан самбо, а потому малоинтересен. Дзюдо получило практическую окраску – стало дисциплиной, с помощью которой нужно и можно было завоевывать медали, наравне, скажем, с баскетболом. Наоборот, загадочные каратэ, дзю-дзюцу, добавившееся к ним позже нин-дзюцу, хранили, по мнению наших людей, столько загадок и столько абсолютно необходимых советскому человеку экзотических и эзотерических тайн, что необходимость овладения ими, фактически, возможность ухода во внутреннюю эмиграцию казалась совершенно очевидной. А.Б. Штурмин, речь о котором пойдет ниже, вспоминал: «В “Гении дзюдо” технику каратэ показали слабенькую, но успех был ошеломляющий, потому как было непонятно, что это».

Нельзя забывать и о том, что начало 60-х годов – это период подъема популярности Японии в Советском Союзе в эпоху «холодной войны». Это был прорыв образа новой, хотя и вражеской, но уже побежденной, послевоенной Японии в сознание советского народа, ждавшего такого прорыва после откровений «оттепели». Я вспоминаю фильм знаменитого режиссера Марлена Хуциева «Июльский дождь», снятый как раз в те времена. В одном из его эпизодов молодые советские физики-лирики обсуждают достоинства блюд из рыбы фугу, сидя в коммунальной квартире, стены которой украшены свитками каэмано. В такой обстановке проникновение в СССР абсолютно естественных, неотъемлемых духовных ценностей японской культуры, среди которых боевые искусства оказались далеко не на последнем месте, было не только возможно, но и желаемо, тем более что локомотивом такого проникновения служил экономический прорыв Японии, то самое «промышленное джиу-джицу», предсказанное когда-то Л. Херном.

Токийская олимпиада, на которой Япония продемонстрировала всему миру вновь отстроенный город со скоростными магистралями и «поездами-пулями» – «город будущего» Андрея Тарковского, стала важным этапом в моделировании существующего и по сей день позитивного имиджа Япо-

нии. Промышленный подъем, охвативший в то время эту страну, первые упоминания о «Тойоте» и «Панасонике» как символах капиталистического качества и уровня жизни необходимо было уравновесить набором общечеловеческих ценностей, не позволявших сделать из образа японца робота. Во Франции, да и во многих других европейских странах, а также в США, Японии так и не удалось этого добиться: широко известно высказывание одного из французских премьеров, назвавшего японцев «экономическими животными», а вот в СССР ситуация была на удивление иная.

Желаемого равновесия достичь удалось, и сделано это было далеко не в последнюю очередь с помощью Будо, которые с самого начала позиционировались в нашей стране как часть самобытной японской культуры. Страна с чрезвычайно высоким уровнем развития экономики в стесненных стартовых условиях и обладающая иррациональными ценностями загадочных боевых искусств с их потрясающей боевой эффективностью (вспомним заповедь каратэ «одним ударом наповал – иккэн хиссацу»), в основе которых лежат столь милые русскому сердцу восточные тайные учения, просто не могла не быть популярной в Советском Союзе, в России.

Безусловно, сыграла роль эффективная подпитка с родины Будо. С укреплением экономической базы государства, Страна корня солнца стала больше внимания уделять формированию «образа примерного гражданина». Несмотря на колебания то влево, то вправо, такой образ в целом стал прочно увязываться с сохранением традиционных культурных ценностей, в числе которых значились и продолжают значиться традиционные единоборства. Началась вторая в XX в. волна рекламно-пропагандистских туров японских мастеров единоборств по Америке и Европе, появилась самая равнодушная к рекламе школа каратэ Кёкусинкай, началось массовое продвижение Будо, прежде всего каратэ, в массы.

Инициированный сверху приватный уровень моделирования позитивно-го имиджа Японии вскоре был поддержан государственными усилиями: в 1972 г. по инициативе правительства и с использованием структуры и ресурсов министерства иностранных дел Японии был создан Японский фонд – крупнейшая в этой стране организация, основной целью которой объявлена деятельность по развитию международного культурного обмена, в том числе в представлении культуры за рубежом для создания положительного имиджа Японии. Японский фонд получил возможность осуществлять специальные программы в области пропаганды национальных видов спорта, в первую очередь, сумо, дзюдо и кэндо¹⁷, что, естественно, привело к желаемым результатам и в России, где это направление деятельности Японского фонда также присутствует.

Рано или поздно, но под воздействием этих двух факторов – внутренней тяги советских людей к «идеальной» восточной культуре и модераторскими

усилиями японских «буферов-пропагандистов» и имиджмейкеров, «железный занавес» в области единоборств должен был пасть. По сути, это произошло еще во время Токийской олимпиады, в 1964 г., когда в СССР появилась первая группа людей, занимающаяся каратэ, а в 1972–1973 гг. незаметно трансформировавшаяся в авторитетную, популярную и мощную Центральную школу каратэ, во главе которой встал молодой научный сотрудник одного из московских институтов, кандидат технических наук, заслуженный изобретатель СССР, прославившийся, однако, не шестью десятками своих изобретений в научно-технической области, а созданием первой школы отечественного каратэ, – А. Б. Штурмин.

Никогда не позиционировавшая себя как истинно японское направление, как школа Будо или будзюцу, ЦШК стала настоящей кузницей кадров советских, а во втором-третьем поколениях, и российских спортсменов. Помимо всего прочего, это произошло еще и потому, что ее руководители отчасти интуитивно, отчасти на основе ограниченных контактов с японскими наставниками, многие из которых в то время сами еще не имели права у себя на родине именоваться «сэнсэями», верно определили нравственно-этическую базу для занимающихся. При детальном ее изучении окажется, что это все те же «три источника, три составные части» Будо – синто, буддизм и конфуцианство. По иронии судьбы ни одно из этих слов не могло прозвучать из уст тогдашних советских каратистов, но интерес к поистине загадочным в те времена духовным основам боевых искусств Японии уже был немалым.

Позже Штурмин, анализируя отношение в ЦШК к стране Будо, отметил, что какого-то особого, ярко выраженного интереса к Японии у первых советских каратистов не было, а вернее, он был сфокусирован лишь на аспектах, связанных с каратэ: «Наш с японцами интерес друг другу в те годы был сугубо утилитарным, а когда вышел на экраны “Гений дзюдо”, мы уже занимались каратэ. Больше того, к 1969 г. мода на каратэ стала настолько заметна, что мы сами снялись в фильме “Вид на жительство”, где изображали иностранных каратистов – уже было известно, что это искусство популярно на Западе».

Даже такой сдержанно позитивной оценки каратэ было достаточно, чтобы А. Штурмину, который во время запрета на каратэ был арестован по сфабрикованным уголовным обвинениям, вменили в вину и «преклонение перед самураями» и «отрыв молодежи от работы в комсомоле и строительства коммунизма». Так имидж «желтой опасности» снова был применен в качестве ударного инструмента, сравниться с которым в советском государстве не могло никакое каратэ. Впрочем, Алексею Борисовичу повезло: родился он на полвека раньше, он, вне всякого сомнения, повторил бы трагическую судьбу Ощепкова, однако на этот раз основатель отечественной школы Будо «отделался» восемью годами заключения.

В отличие от «технаря» Штурмина его ученик Александр Рукавишников был явным «гуманитарием». Сын известного скульптора, получивший в ЦШК за феноменальную скорость и силу удара кличку «Летающий слон», он с

¹⁷ Железняк О. Н. Вхождение во внешний мир. – Япония, 1999–2000. Ежегодник М., 2000, с. 180–185.

детства интересовался мировой культурой. Сегодня А. И. Рукавишников – скульптор с мировым именем, академик, профессор, Народный художник России вспоминает: «Безусловно, под влиянием каратэ мое отношение к Японии и японцам стало еще лучше. Появилось даже некоторое обожание, когда, например, некоторую неряшливость в одежде японцев мы воспринимали чуть ли не как признак святости. Мне кажется, повальное увлечение боевыми искусствами у нас пошло на пользу имиджу Японии, хотя он и без этого становился все лучше и лучше».

Долетавшие с Запада обрывки моды на восточные мистические учения, на культ предков, дзэн-буддизм, йогу, медитацию все больше способствовали созреванию интереса к Японии в нашей стране, что усиливалось перманентной тягой России к Востоку и, прежде всего, к попыткам осознания его мистической роли в существовании русского государства и пассионарного евразийства. Неуклонный рост популярности боевых искусств, на первый взгляд, незаметно, но неизбежно при внимательном изучении, продолжал влиять на улучшение образа самой Японии в нашей стране, и к началу 80-х годов в умах многих людей, особенно молодого поколения, произошла смычка нескольких понятий: Тойота + Панасоник + икэбана + каратэ = Япония. В дальнейшем, как мы знаем, к этому набору составляющих добавились еще суси и Харуки Мураками, но в целом образ Японии с тех времен у нас мало изменился, и Будо не только являются его неотъемлемой частью, но и укрепляют сегодня свои позиции.

Изучение духовных основ восточных единоборств не прекращалось ни на минуту и в годы их запрета, как не прекращалось их преподавание в КГБ, милиции, армии и подвалах под маской самбо и рукопашного боя. Более того, тщательно вуалируя подлинные цели исследований нуждами марксистско-ленинской философии, целый ряд отечественных специалистов-востоковедов продолжали изучать то, что уже неудержимо, навсегда влекло их. Речь идет, прежде всего, о многочисленных статьях в научно-популярных журналах ряда сотрудников Института востоковедения АН СССР и других научных центров тех времен: А. А. Долина, Н. В. Абаева, Г. Н. Музрукова и др. В специализированной литературе продолжали публиковаться их исследования, хотя и не лишённые неточностей и огрехов, но выполненные на достаточно высоком для своего времени уровне и посвященные главным образом именно духовной и оздоровительной составляющим Будо и ушу, и эти статьи находили своего читателя.

Еще в условиях запрета, в 1988 г., под эгидой Философского общества СССР прошел всесоюзный симпозиум, посвященный «феномену каратэ». К 1990 г. А. А. Долин в соавторстве с Г. В. Поповым готовил к публикации свою знаменитую книгу «Кэмпо. Традиции воинских искусств», которая до сих пор не издана на русском языке в полном виде, и основной частью которой были исследования на тему духовной составляющей Будо в тесной привязке к их национальному происхождению. Ряд отечественных специалистов по восточным единоборствам добивались их «открытия» лично от

тогдашнего генсека М. С. Горбачева. Г. Н. Музруков, бывший в те годы научным сотрудником Института Дальнего Востока, написал письмо Горбачеву с просьбой разрешить преподавание ушу, упирая именно на необходимость изучения этого вида единоборств как части китайской культуры, которое позволило бы достичь большего взаимопонимания с этой страной¹⁸.

Сегодня хочется верить, что искренность и желание правильно понимать изучаемые единоборства, комплексный подход к их освоению медленно, но неуклонно набирает силу в России. Не обходится, конечно, без казусов, и мы то и дело можем видеть, как неумное желание множества энтузиастов полного погружения в Бусидо заводит их слишком далеко, но это можно объяснить болезнью роста. Высокий рейтинг имиджа Японии непрерывно подпитывается за счет большого (по разным оценкам от 3 млн. до 5 млн. человек¹⁹) числа занимающихся восточными единоборствами в России. Для большинства из этих нескольких миллионов человек Япония – не просто родина их любимого боевого искусства, которое они, благодаря предварительной пиар-подготовке, воспринимают как нечто большее, чем просто спорт. Для них Япония – культовая страна, которая не может быть плохой. Едва ли не на каждом сайте различных федераций боевых искусств есть раздел, посвященный Японии.

Тем более сложно переоценить важность того фактора, что многие из вчерашних «подвальных» каратистов и айкидзинов сегодня оказались на вершинах властной вертикали. Министры, федеральные инспекторы, губернаторы, другие крупные чиновники и даже журналисты «почетно» возглавляют различные федерации единоборств или хотя бы формально, сочли необходимым подвизаться «почетными черными поясами». Среди обладателей «сертификатов на даны», становящихся обязательным атрибутом властных кабинетов, сегодня фигурируют министр по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу (каратэ), президент Чувашии Н. Федоров (каратэ), заместитель председателя комитета Государственной думы РФ по обороне А. Коржаков (кобудо), председатель Счетной палаты С. Степашин (каратэ), губернатор Санкт-Петербурга В. Матвиенко (каратэ), председатель Московской городской думы В. Платонов (дзюдо), министр сельского хозяйства С. Гордеев (дзюдо), известные тележурналисты В. Соловьев и Н. Сванидзе (каратэ), спикер Государственной думы РФ Б. Грызлов (каратэ), мэр Москвы Ю. Лужков (каратэ), губернатор Ивановской области М. Мень (каратэ) и др.

Популярность Японии в нашей стране на рубеже веков стала так высока, что сама начала поддерживать высокое реноме всяческих «самурайских штучек», доводя их порой до абсурда. Чуткие к общественному мнению и спросу рекламщики и пиарщики немедленно уловили это, и сегодня мы имеем такие «замечательные» продукты этого имиджа, как мороженное

¹⁸ Музруков Глеб. Следует определить понятия! – Будокан. 2005, № 8.

¹⁹ Работа по контракту. Кто выжил на рынке боевых искусств? – Коммерсант-Деньги. 2001, №37.

«Айскидо», строительную компанию «Сатори», питомник китайских хохлатых собак «Русский самурай» и многое другое. Все это – эксплуатация не просто популярного самурайского имиджа, но не в последнюю очередь его духовной составляющей. Это отчетливо видно на примере аннотации к водке «Семь самураев», выпускаемой одной российской компанией, в которой говорится: «Самураи посвящали себя гражданскому служению родине, являя собой пример ответственности на любом месте, где бы они не находились. Нет необходимости родиться в Японии, для того чтобы следовать пути самурая. Нужно лишь желание понять, принять и следовать их кодексу. Название водки “Семь самураев” глубоко символично. Семь великих воинов стали символом чести, верности своему народу и Отечеству. Семерым достойнейшим гражданам России, полномочным представителям президента РФ в округах, оказано высокое доверие и дано великое право отвечать за судьбу своей Родины»²⁰.

Интересно, что японская сторона, поддерживая в целом стремление россиян к познанию своей культуры, боевым искусствам внимания уделяет сравнительно немного, имея в виду сиюминутные цели и совершенно конкретный политический расчет. Так, в бытность влиятельного депутата парламента Судзуки Мунэо японские власти активно поддерживали развитие сумо в России – Судзуки слыл большим его любителем. Как только премьер-министром стал маститый фехтовальщик Хасимото Рютаро, началась поддержка кэндо в России. Министерством иностранных дел Японии с помощью созданного при активном участии М. Судзуки Фонда японо-российских молодежных обменов (Фонда Обути) были организованы туры в Японию российских кэндоистов, а в Москве до сих пор проводится ежегодный турнир «Кубок Хасимото».

Наоборот, когда председателем правительства РФ стал айкидока С. В. Кириенко, была дана отмашка на моральную и информационную поддержку айкидо. Случай с дзюдо, по понятным всем причинам, в комментариях вообще не нуждается. Надежда на дзюдоистскую любовь президента России к Японии имела четкий политический расчет, но не оправдалась, хотя традиционную духовную составляющую Будо, впрочем, без четкой терминологической и национальной привязки, В.В. Путин поддержал: «Боевые искусства, популярность которых в России растет год от года, – это не только хорошая школа спортивного мастерства, но и особая философия физического и духовного воспитания гармоничной личности, неотъемлемой части общей человеческой культуры»²¹. По поводу дзюдо президент был еще более конкретен: «Дзюдо – замечательный вклад японского народа в мировую копилку культуры... Это, безусловно, такой вид единоборства, который отражает дух японского народа»²².

²⁰ www.japon.ru/Конкурс2/Водка 7 самураев.

²¹ Из приветствия В. В. Путина Первому российскому форуму боевых искусств.

²² Будока. 2005, №5.

В результате, мы и сегодня можем встретить официальных японских представителей на мероприятиях названных четырех федераций и вряд ли обнаружим их на соревнованиях по каратэ, которое в японском МИДе до сих пор имеет репутацию бандитского вида спорта, который пока может пользоваться только частной поддержкой японских наставников²³. Они рассматривают свою миссионерскую деятельность в России как часть весьма выгодного бизнеса: каждый их семинар в России может приносить им десятки тысяч долларов, а есть сэнсэи, которые за десять лет провели несколько сотен таких семинаров. Именно поэтому многие наши каратисты, знающие, сколько стоит «передача опыта» их японскими учителями, скептически относятся к каким бы то ни было требованиям японцев, включая пресловутую «проблему северных территорий».

По-прежнему сохраняется «третий путь» моделирования имиджа Японии в России – через Америку и Западную Европу. Безусловно, самая яркая иллюстрация этого влияния – появление многочисленных «суши-баров» в нашей стране с их неизменными «роллами по-калифорнийски с огурцами» в меню. Трудно переоценить роль этого западного пути в поддержании высокого уровня популярности боевых искусств в СССР, особенно в период их запрета. На протяжении примерно 30 лет любители единоборств вынуждены были опираться на информацию, полученную, прежде всего, с Запада. Сначала перефотографированные, а затем ксерокопированные книги Р. Хабержетцера, М. Накаяма, М. Ояма, Д. Дрэгера и других авторов, изданные на европейских языках, десятилетиями служили единственным источником знаний для нас наряду с видеокассетами с фильмами Брюса Ли, Чака Норриса, Джеки Чана, Дона Вилсона, Стивена Сигала и иных кинематографических мастеров Будо.

Интересно отметить, что эксплуатация позитивного имиджа Японии вообще и боевых японских искусств и их духовных начал, например сложного философского понятия «До» – «Пути», в частности через западные источники продолжается. Просто, в связи с требованиями времени, сменилась целевая аудитория и спектр приложения. Зайдя в книжный магазин, я встретил на прилавке свежий номер журнала о рекламном бизнесе, на обложке которого обозначена тема номера «Восточные единоборства. Кому испортят жизнь японцы?»²⁴. Вокруг лежало множество книг, как западных, так и японских авторов (переводы с английского), названия которых явно рассчитаны на менеджеров с романтическим опытом занятий Будо: «Путь торговли», «Дао снижения затрат», «Дзэн продаж».

²³ Тем не менее, надо признать, что со стороны это заметить трудно. В библиотеке информационного отдела посольства Японии в Москве по состоянию на 1 декабря 2005 г. числились 53 книги по боевым искусствам, в том числе 7 – по кэндо, 12 – по дзюдо, 9 – по айкидо, 4 – по сумо, 16 – по каратэ и 5 книг по Бусидо на разных языках.

²⁴ Индустрия рекламы. 2005, №15.

Что же мы получаем в итоге? Пройдя долгий и чрезвычайно сложный путь развития, боевые дальневосточные искусства в нашей стране доказали свою жизнеспособность и в процессе эволюции нашли верную дорогу. Миллионы людей, занимающиеся боевыми искусствами, в каждом, сменяющем друг друга поколении, постепенно начинают осознавать эти единоборства как неотъемлемую часть древней и самобытной японской культуры. Однако этот процесс имел и имеет тесную связь с причудливой трансформацией имиджа Японии в России. Начавшись как ответная реакция на образ «желтой опасности», он довольно быстро способствовал перерастанию его в образ «живописной Японии» и стал его частью. Затем, в результате политических коллизий, боевые искусства Будо на несколько десятилетий частично были оторваны от общего имиджа Японии, но не умерли окончательно, а продолжали существовать, подстраиваясь под условия социалистической действительности. На последнем этапе существования советского государства боевые искусства уже готовы были осознаваться как часть японской культуры и в своем секторе общественного мнения готовили положительное восприятие нового имиджа Японии, полностью раскрывшегося усилиями его модераторов после 1991 г. Активный всплеск интереса к Японии, последовавший после распада СССР и продолжающийся до сих пор, сопровождался не менее активным интересом к единоборствам, которые на частном уровне поддерживали позитивный имидж Японии в нашей стране, хотя японской стороной к этому и не прикладывались адекватно значимые усилия.

Наконец, на последнем этапе, свидетелями которого являемся мы с вами, с одной стороны, продолжается осознание Будо как части японской культуры и растет интерес к их духовной составляющей, с другой – по мере роста уровня жизни и общего укрепления позиций России на мировой арене, а также в связи с благоприятной внешнеэкономической обстановкой, крепнет осознание возможности самостоятельного развития боевых искусств в нашей стране (по модели европейских стран и США). Созданный в июне 2005 г. по инициативе президента Путина Российский союз боевых искусств (РСБИ), возглавляемый обладателем второго дана айкидо экс-премьером и главой Росатома С. В. Кириенко и обладателем пятого дана каратэ министром природных ресурсов Ю. П. Трутневым, трактует боевые искусства как часть мировой культуры и источник приобщения к вечным ценностям человечества. Как и прежде, японских терминов в официальных документах встречается мало. Имидж боевых искусств продолжает гибко колебаться вместе с имиджевой политикой России, подерживая ее и подтверждая изречение из апокрифического Евангелия: «Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах». Перефразируя Евангелие каноническое, в приложении к данной ситуации мы можем сказать: «И образ следовал за ним».

О формировании в Японии национальной композиторской школы (конец XIX – первая половина XX в.)

М. Ю. Дубровская

Овладение системой композиторского творчества европейской модели и формирование молодых национальных композиторских школ в музыкальных культурах Востока на рубеже XIX–XX вв. способствовали их динамичной интеграции в мировое музыкальное пространство. Актуальная проблема изучения процессов становления академического музыкального профессионализма в странах Евразии, в частности в Японии, вызвала появление ряда современных исследовательских направлений российского и международного, в том числе японского, музыковедения. Отечественная музыкальная японистика¹ приступила к разработке данной проблематики сравнительно недавно², так как назрела необходимость исследовать обстоятельства исторического развития самобытной японской композиторской школы, внушительность вклада которой в мировое музыкальное наследие бесспорна.

Широкое международное признание и авторитет национальная композиторская школа Японии получила после второй мировой войны. Далеко за пределами страны приобрели известность сочинения крупнейших композиторов Ямада Косаку, Мияги Митио, Такэмицу Тору, Дан Икума, Маюдзуми Тосиро, Миёси Акира, Морои Макото, Накада Ёсинао, Мацудайра Ёрицунэ, Акутагава Ясуси, Такахаси Юдзи и многих других. При этом довольно

¹ Начало российским исследованиям в области японской музыки было положено, как известно, только в середине 70-х годов XX в. В этот период в СССР динамично развивалось музыкальное востоковедение. За прошедшее время в его активе накопилось немало ценных и продуктивных разработок в исследовании японской музыки, в первую очередь, традиционной. Они нашли отражение в кандидатских диссертациях *В. И. Сусаури* (1975, Ленинград), *С. Б. Луиноса* (1984, Москва), *М. Ю. Дубровской* (1985, Москва), *М. В. Есиповой* (1988, Ташкент), *Е. В. Южаковой* (2002, Новосибирск), *Н. И. Чабовской* (2003, Новосибирск). Отечественное этномузыковедение, таким образом, внесло определенный вклад в обширный фонд фундаментальных исследований и публикаций в сфере традиционной японской музыки ученых Западной Европы, США и самой Японии, имеющий более чем столетнюю историю.

² Настоящая статья содержит некоторые результаты исследований автора последних лет, выполненных на кафедре этномузыковедения Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки (см.: *Дубровская М. Ю.* Формирование японской композиторской школы и творческая деятельность Ямады Косаку. – Автореф. дисс. докт. иск. – Новосибирск, 2005). Проблематика японского композиторского творчества на современном этапе нашла продолжение в работе аспирантки М. Ю. Дубровской – О. В. Жуковой (см.: *Жукова О. В.* Камерно-вокальное творчество Дан Икума (в контексте проблемы «композитор-фольклор»). – Автореф. дисс. канд. иск. – Новосибирск, 2005).